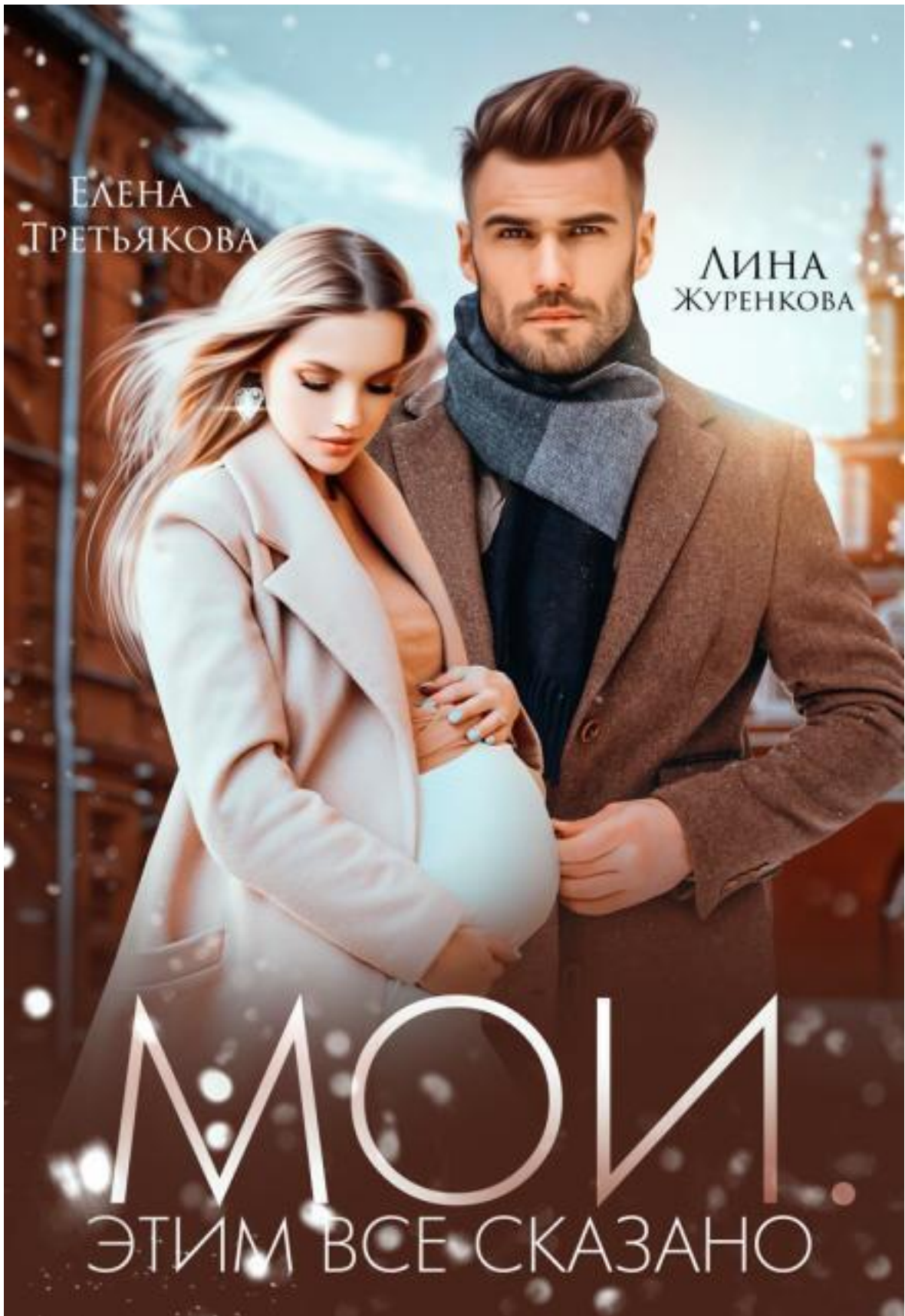


A romantic couple is featured in a winter setting. The woman, on the left, has long blonde hair and is wearing a light-colored coat over a dark top. She is looking down at her belly. The man, on the right, has short brown hair and a beard, wearing a brown coat and a grey scarf. He is looking directly at the camera. They are standing in front of a building with a snow-covered roof. The background is softly blurred with warm lights, suggesting a city at night. The overall mood is intimate and romantic.

ЕЛЕНА
ТРЕТЬЯКОВА

ЛИНА
ЖУРЕНКОВА

МОИ

ЭТИМ ВСЕ СКАЗАНО

Лина Леманн

Мои. Этим все сказано

«Литнет»

2022

Леманн Л.

Мои. Этим все сказано / Л. Леманн — «Литнет», 2022

Моя счастливая жизнь в одночасье разлетелась на осколки. Муж изменил и бросил на восьмом месяце беременности и с сыном на руках. Без денег, без квартиры, без фирмы отца. На улице в мороз, в кармане ни копейки. Когда я отчаялась ждать помощь, судьба послала мне свой подарок. Враг отца и моего мужа мне... враг, друг или кто-то больше?...ХЭ!

© Леманн Л., 2022

© Литнет, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть I. Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пролог

— Ты не выживешь на улице, — звучит из теплого салона. Слова Виктора как пощечина, хлестко обнажает очевидные вещи. — Вы не выживете на улице, — поправляет он, когда Серёжка, прячущийся за моей спиной, выглядывает, чтобы дернуть меня за руку.

— Мам, мне холодно, — жалобно тянет сынишка и зябко ежится. — Пойдем домой.

У нас больше нет дома — хочется крикнуть что есть мочи, но я не могу. Я буду беречь моего сына и мою ещё нерожденную крошку от этого стресса. Они ничего не должны узнать.

— Твою мать, Виолетта, если о себе думать не хочешь, подумай о детях! — раздраженно цедит Виктор.

А я стою. Смотрю на дорогуший автомобиль врага моего отца и понимаю, что это единственный человек, который предлагает мне помощь, несмотря на огромное число знакомых и друзей нашей семьи. Как так получилось? Ведь на заключении сделки был не только он, но и другие. Только они отвели глаза. Не предложили даже чашки кофе.

— Ну ты и дурушка! — слышу совсем рядом. Когда Виктор успел покинуть салон и встать рядом? На плечи опускается тяжелое теплое пальто, пахнущее владельцем. — А тебя как зовут, пацан?

— Серёжа... — тихо произносит сын, но его услышали.

— Сергей, отличное имя. Ты голоден?

— Ага, — активно кивает. Я не вижу, просто чувствую, как его черноволосая голова трется о мою ногу.

— Что же, Серёжка, сейчас я отвезу вас в теплую квартиру, туда же закажем ужин. Ты что любишь?

— Макдональдс, — еще увереннее выдает сын.

Ловлю укоризненный взгляд Виктора.

— Если любит, не значит, что ест постоянно, Виктор Алексеевич, — огрызаюсь.

— О, снежная королева оттаяла! — одними губами улыбается мужчина, распахивает передо мной дверь. — Садись уже, царевна Несмеяна. Нечего мерзнуть.

Я соглашаюсь на этот шаг. Делаю его. Не ради себя, ради детей.

Вместо того чтобы сесть в открытую дверь, открываю другую, заднюю. Сын понимающе плюхается на кожаное сиденье.

— Помочь? — спрашивает Виктор, глядя на мои раскорячивания в попытках пристегнуть ребенка. Да, на восьмом месяце беременности нагибаться тяжело, но я сама позабочусь о своих детях!

— Не стоит, спасибо.

— Ладно.

Мы огибаем машину, Виктор все равно открывает для меня дверь, подает руку. Я сажусь. Звук хлопка двери резко отдает по нервам. Мужчина занимает водительское место. Заводит мотор.

Наклоняюсь почти к самому уху своего спасителя. Не верю я в его благие намерения. С этого дня я перестану плыть по течению.

— Если хоть что-то сделаете с моими детьми или будете меня шантажировать, убью, — тихо обещаю, чтобы Серёжка не слышал.

Всем привет! Наконец-то эта история увидит свет. Вас ждут эмоции на разрыв, сложные решения, сомнения и, конечно же, та самая большая любовь.

Лайки и комментарии очень подпитывают наших муз работать усерднее! ;) Да и просто это очень приятно.

Часть I. Глава 1

Ехать оказывается недалеко, всего-то через парк.

Виктор привозит нас в новый недавно отстроенный жилой комплекс с видом на реку. Когда папа покупал нам с Ильёй квартиру, этих домов ещё не было. Позже, гуляя с Серёжей в парке, я поглядывала на эти малоэтажки. Мы обсуждали с Ильёй варианты покупки новой квартиры или даже дома в пригороде, чтоб жить на природе, но...

На глаза наворачиваются слезы боли и злости. Этим планам не суждено сбыться. Как и многим другим. Мои мечты умерли под завалами рухнувшей в одночасье жизни...

Так, конечно, бывает, но я никогда не думала, что это случится со мной. Мной, которую папа всегда берег от любых потрясений, проблем и неурядиц.

На улице зябко и промозгло. Идет мокрый снег. Я сильнее кутаюсь в пальто, пропахшее владельцем. Ядреная смесь свежего морского одеколona и личного пряного запаха.

До квартиры Виктора идём молча. Мужчина – уверенно и спокойно, я семеню с сыном следом. Мыслей ноль, даже истерика, накотившая сначала, куда-то отступила. Как будто выключило эмоции, стоило сделать шаг в направлении чужого дома. Или я просто устала и перестала воспринимать удары судьбы, что сыплются на меня как из рога изобилия. Разве может быть хуже?

— Проходите, будьте как дома, — Виктор приглашающе машет вглубь квартиры.

Серёжка тут же скидывает ботинки. Он напуган последними событиями, замёрз, устал и к тому же голоден. Даже не одергиваю его, когда он неловко пристраивает куртку на консоль в прихожей и бежит в комнату.

Мне же, чтобы снять сапоги, нужно присесть. С моим животом уже не нагнуться. Но Виктор, неожиданно уловив эту мелочь, присаживает передо мной на корточки и расстегивает молнию на сапоге. Медленно. Играючи. Отчего-то эти чужеродные прикосновения даже через джинсы чувствую. Как будто гладит. Разве что на колени не встал.

Я бы никогда так не сделала. Это слишком!

Виктор и так получил все, что хотел, а теперь унижается. Или это игра? Я все ещё не раскусила его. Подумаю об этом завтра, как говорила Скарлетт О'Хара.

Тем временем Виктор помогает снять один сапог, потом другой. Это прямо ортопедический оргазм, когда отекающие ноги больше не чувствуют давления обуви.

В последние недели мне было не до шопинга, я не успела купить нормальную обувь. А теперь... А теперь я осталась даже без сумки в роддом, которую частично успела собрать.

Виктор встаёт на ноги и я, не успев отвести глаза, чтобы скрыть факт разглядывания, попадаю в плен его карих глаз. Что-то мимолетное мелькает на лице мужчины, что-то похожее на нежность, но быстро исчезает под маской равнодушия.

А у меня предательские слезы вот-вот готовы вновь брызнуть из глаз. Но я же теперь сильная, я плакать не буду. Не при нем.

Только...

— Виктор Алексеевич, мне даже не дали вещи собрать, — не знаю, зачем я говорю об этом мужчине. Постороннему, чужому, врагу... Единственному, кто помог и не оставил меня с сыном на улице. В глазах щиплет, я заказываю глаза наверх, чтобы не расплакаться. Получается откровенно плохо.

— Разберёмся, — уверенно кивает и помогает снять мне куртку.

На мое обращение по имени-отчеству кривится, но не перечит. А я не могу по-другому.

Обнимаю себя за плечи. Даже стыдно за легкие синтепоновые куртки, в которых мы с сыном приехали. Верхняя одежда у нас тоже не по сезону. Шубка из норки, песцовая шуба и

отличный комфортный пуховик со вставкой для живота остались висеть в гардеробной. Нас с Серёжкой вытолкали в том, что висело в коридоре.

Я опять пытаюсь сдержать слёзы. «Я сильная, я все смогу, я выстою» — как заклинание повторяю про себя и даже не улавливаю, о чем спрашивает Виктор.

— Ты меня слышишь? — спокойно уточняет.

— Да, я... Я слышу вас, — киваю и поднимаю на него глаза.

Высокий он, на голову выше Ильи. Нет, об этом человеке думать точно не стоит. Не сейчас.

— Я говорю, что можешь прилечь в гостевой спальне, пока не привезли ужин. Что тебе заказать? — спрашивает, уткнувшись в телефон и изучая пестрое меню на экране.

Мне же хочется скрыться в тишине отдельной комнаты.

— Не знаю, я не голодна, — пожимаю плечами. Мы стоим рядом, но я совершенно не знаю, как вести себя. Чтобы уйти, спросить разрешение, что ли? Своевольничать? Какой линии поведения этот человек от меня ждет?

Виктор хмурится, отрывается от телефона. Карие глаза смотрят внимательно и как будто осуждающе.

— Так не пойдет, Ви. Тебе надо сейчас хорошо питаться и отдыхать.

Ви. Так меня только папа называл. Для близких я Виола, для остальных — Виолетта.

Хочется поставить нахала на место, только у меня совсем нет сил. Ноги гудят. Поэтому я просто соглашаюсь:

— Да. Тогда, может, лазанью? И овощной салат. А Серёже суп. Он любит с вермишелью. И котлетки. Только не берите картофельное пюре, он его не ест. И никакого Макдональдса.

— Как я его понимаю! Терпеть не могу пюре, — искренне произносит Виктор.

Это его нелепое замечание вызывает у меня лёгкую улыбку.

— Вот. Ты уже улыбаешься. На десерт что предпочитаешь?

— Торт с орехами. Но... — Замолкаю. Смотрю в сторону на дверь ванной, чтобы произнести самое ужасное и унижительное признание, которое мне доводилось. — Денег у меня нет, — как дура развожу руками.

Все, сказала. С меня тебе нечего взять. Совсем нечего. Даже тысячи в кармане нет.

— Боже, Ви. Ты сейчас убила во мне мужчину! Я, по-твоему, не в состоянии вас прокормить?! — злится Виктор неожиданно.

Я даже опешила.

— Вы-то в состоянии, просто я до сих пор не понимаю, зачем это вам, — тихо и как будто оправдываюсь.

В ответ только тишина. Виктор не собирается ничего пояснять. Ладно, я об этом подумаю завтра... или когда выплыву.

Может, я проснусь, и все окажется сном? Папина болезнь, предательство Ильи, вся та нескончаемая череда бед, что обрушилась на меня. Но, похоже, что все это правда. И как это пережить, я не представляю.

И вот уже из комнаты бежит Серёжка, обхватывает меня ручонками, утыкается носом в живот.

— Мама, там из окна реку видно! Красиво, — сыночек слегка картавит, мы запустили эту проблему в последние месяцы, а надо бы подумать о занятиях с логопедом. Потом, когда папа поправится.

— Это здорово, сыночек, — обнимаю Сережку за плечи. — Пойдем помоем ручки, как раз привезут еду.

— Вторая дверь слева, — подсказывает Виктор.

В ванной оказывается, что раковины расположены слишком высоко для пятилетнего ребенка. И мне его никак не поднять — тяжело. Стою растерянно, не понимая, как мне быть, когда входит Виктор и подхватывает Серёжу на руки. Просто. Даже не спрашивая разрешения.

Сынок намывает руки и долго и обстоятельно смывает пену, вода стекает по его рукам и капает на брюки Виктора. Я пугаюсь, что он сейчас начнет ругаться, но мужчина только слегка улыбается губами.

— Да, это надо будет как-то решить, — задумчиво произносит он.

— Дома у меня есть специальный стульчик, — простодушно отвечает Серёжа.

— Покажешь мне какой, я куплю, — Виктор берёт из шкафчика новое пушистое полотенце и протягивает моему сыну.

— Зачем?! Сегодня так перекантуемся, а завтра...

Но Виктор не даёт мне договорить:

— А завтра что? На улицу пойдешь? С пузом и сыном? Ви, не дури. Пока не вернёшь квартиру и не разберёшься со своим муженьком, можешь спокойно жить у меня.

Я открываю рот, чтобы возразить, но он опять перебивает:

— Про неудобно — это в армию, они расскажут, как неудобно и с чем его едят. А если ты про благодарность — то можешь оставить при себе.

И он, резко развернувшись, выходит из ванной комнаты. Кажется, я смогла разозлить Виктора. Хотя чем?

До ужина решаю воспользоваться предложением Виктора и прилечь. Серёжка тоже хочу забрать с собой в комнату, но не представляю, чем его занять. В сумке вместе с документами, что мне милостиво разрешили забрать новые хозяева квартиры, я нашла одну машинку. Ну хоть что-то.

Даю игрушку сыну и прошу спокойно поиграть на ковре, пока я полежу.

— Мамочка, ты же просто лежишь? Ты же не как бабушка?..

Ох, малыш! Я сразу понимаю, что сынок имеет ввиду.

Инфаркт у папы случился, когда мы с Серёжей были у него в гостях. Папа резко схватился за сердце, побледнел, тяжело дышал и стал оседать на пол, когда мы обсуждали его день рождения. Это было ужасно! Я очень испугалась, дрожащими руками вызвала скорую. Сережа запаниковал, я пыталась его успокоить. Благо, что врачи приехали быстро. Папу забрали в больницу и сразу отправили на операционный стол.

— Сереженька, я просто устала и чуть-чуть отдохну, — я пытаюсь улыбнуться и глажу лохматую макушку сына, примостившегося возле меня. Усталость, как каменная плита, придавливает меня, и я выключаюсь.

Через какое-то время я слышу, как входит в комнату Виктор и зовёт нас ужинать. Но я так истощена морально, что не могу проснуться, даже если бы хотела. Как будто сонный паралич разбил.

Мужчина накрывает меня пледом, забирает сына, и они выходят из комнаты. Страх, что с Сережей что-то случится растворяется в странном умиротворении. Если бы Виктор хотел что-то сделать, уже сделал бы.

Я остаюсь одна, в тишине и темноте.

Сон накатывает волнами, воспоминания то ли бродят в моей голове, то ли мерещатся во сне. Я не сопротивляюсь видениям, смотрю и смотрю их, как кадры из фильма, только вновь и вновь переживаю те эмоции, как будто это происходит в реальности.

Мы с Серёжкой только пришли из больницы. Папин лечащий врач не даёт никаких обнадеживающих прогнозов. Я нашла самого лучшего, которого смогла только найти, но и он настаивает на лечении за границей. Денег от продажи фирмы хватит на операцию в Израиле и частично на реабилитацию, но, выдержит ли папочка перелет, никто не знает.

От этих снов-воспоминаний становится не по себе, доченька в животе беспокойно шевелится. Я вынырываю из потока эмоций, успокаивающе глажу живот, доченька, пнув напоследок ножкой, замирает под моей ладонью. Я опять погружаюсь в дрему. И снова приходят воспоминания.

Папина светлая квартира. Пахнет апельсинами, мы с Серёжкой только очистили и съели один. Второй, яркий и ароматный, я держу в руке, когда раздается звонок в дверь. Мы никого не ждём, просто некого ждать. Хотя мое глупое сердце замирает на мгновение и ускоряется, пульсируя где-то в горле. Я надеюсь, что это Илья, я надеюсь на это и боюсь. Мне есть, что ему сказать, но в то же время я боюсь, что разревусь и брошусь предателю на шею. Слишком сложно быть одной. Страшно и сложно все решать самой, без надёжного мужского плеча, без папиного совета, без поддержки мужа.

Я спокойно открываю дверь, кого угодно в дом бы не пропустил консьерж, поэтому не опасаясь. А зря!

Мужчина и женщина средних лет улыбаются, здороваются и с порога утверждают, что они новые хозяева папиной квартиры. Ещё одна женщина помоложе стоит в стороне. Я перевожу на нее растерянный взгляд, и она представляется:

— Анастасия, риэлтор. Ваш супруг обещал, что вы сегодня освободите квартиру.

— Супруг? — переспрашиваю.

— Козырев Илья Валентинович — это ваш муж?

Я вначале растерянно киваю, потом отрицательно качаю головой.

— Давайте пройдем в квартиру? — риэлтор решительно делает шаг ко мне, и я отступаю внутрь. За ней в квартиру входит супружеская пара.

Мужчина с женщиной смотрят растерянно, риэлтор наоборот агрессивно. Она снимает куртку и, не раздуваясь, проходит в зал, ее клиенты за ней.

Я так и стою с апельсином в руках посередине холла, Серёжка прижался ко мне всем тельцем и поглядывает на незваных посетителей из-под бровей.

Риэлтор Анастасия, недовольно поджав губы, выговаривает:

— Что же вы не забрали свои вещи? Мои клиенты хотят как можно быстрее въехать.

Это какой-то абсурд! Я пытаюсь собрать разбегающиеся мысли, выходит плохо.

Я присаживаюсь на стул за обеденным столом, за которым мы когда-то так весело собирались всей семьёй.

— Я не понимаю, что происходит. Не могли бы вы пояснить? — спрашиваю всех троих сразу, поглаживая живот. Доченька опять почувствовала мое напряжение и бунит.

Краем глаза вижу, что мужчина уже взял себя в руки и не выглядит растерянным, а вот женщина смотрит непонимающе и несмело мне улыбается. Риэлтору все нипочем. Она нахально усаживается за стол.

— Ну что вы, милочка, тут разыгрываете комедию? Ваш муж продал эту квартиру по доверенности. Вся сделка чистая, заверена юридически и оформлена по закону.

— Этого просто не может быть! Эта квартира принадлежит моему отцу. А Илья — он бывший муж, он никак не мог продать...

При моих словах мужчина взволнованно запыхтел, женщина охает:

— Да как же так?! Мы же деньги заплатили!

— Так! Подождите! Сейчас мы со всем разберемся. Все документы проверены. Наша фирма чтит свою репутацию. Никогда не было такого, чтобы мы не могли решить возникшие проблемы, — риэлтору приходится повысить голос, чтобы перекричать возмущения.

У меня в голове не укладывается все, что происходило. Я никогда не была сильна в законах и документах. Да что там, я никогда не имела с этим никаких дел. Отец меня ограждал от проблем, муж на руках носил... когда-то...

Я совершенно растеряна. Что делать? Как быть?

Надо позвонить папе!

Но... Ему не позвонить. Он в больнице. Эта мысль нежизнеспособна.

Илья? Но его тоже рядом нет.

К кому ещё обратиться, я не знаю.

Рядом стоит Серёжка, обхватив меня за руку цепко и очень крепко. Бедный мой мальчик, столько всего произошло за последнее время. И совсем не радостного.

Господи, что делать-то?!

Точно! Вспоминаю, что у меня в телефоне забит номер юриста из папиной фирмы, он звонил мне как-то, я сохранила.

— Подождите минутку. Я позвоню своему юристу, — эта мысль придает мне надежды, я говорю увереннее, уже не так тушуясь перед напором риэлтора.

Глава 2

Выйдя в другую комнату и прихватив сына, я набираю юриста.

— Степан Аркадьевич?

Хорошо, что номер сохранила, так бы имя папиного юриста ни за что не вспомнила. Я и видела-то его пару раз. Мне не очень нравился этот худой высокий мужчина с прозрачными голубыми глазами. Да и папа никогда не стремился вводить меня в курс своей работы. «Ты девочка и моя принцесса, — говорил он. — Не забивай свою чудесную головку проблемами. Для их решения есть я. А ты для любви».

— Здравствуйте, Виолетта Сергеевна. Вы передумали насчёт продажи фирмы?

— Что? — не поняла я с ходу. — Нет, я по-другому поводу. — Я пытаюсь взять себя в руки, чтобы толково обрисовать ситуацию. — Ко мне на квартиру, которая папина, — торопливо начинаю я, — заявились люди, которые утверждают, что они купили эту квартиру у Ильи Валентиновича. По какой-то доверенности от отца. Что мне делать? — уже почти жалобно добавляю.

— Насколько я знаю, Сергей Ильич перед больницей успел оформить генеральную доверенность на Илью Валентиновича на распоряжение движимым и недвижимым имуществом, — после некоторой паузы произносит юрист, убивая внутри меня что-то живое и невинное, которое никогда не оживет вновь.

Медленно оседаю на диван.

— Какая доверенность? Когда папа успел? А зачем? Он мне ничего не говорил... — вопросов море, я все вываливаю их на юриста севшим голосом. Еще больше перемалываются внутри мои опоры и непреложные истины.

— Дату я могу посмотреть, если вас интересует. Но это ничего не решит. Если Илья Валентинович решил продать квартиру, он имеет на это право, — спокойно отвечает мужчина.

— А как же мы?! — Перевожу взгляд на сына, который заинтересовался оставленной на полу машинкой. Безмятежно водит ею по ковру, изображая рычание мотора. Как же Илья так мог поступить с нами?!

— Виолетта Сергеевна, решения Ильи Валентиновича и Сергея Ильича вне моей компетенции, — как с умалишенной разговаривает со мной юрист. — Если в квартире не был прописан ваш сын, то никаких препятствий для сделки купли-продажи нет.

— Нет, Серёжка не был прописан. Я... — говорить о том, что я не знала, как это сделать, было жутко стыдно.

Я продала свою квартиру, деньги перевела на лечение папы. Меня предупреждали, что я должна прописать Серёжу по новому адресу, но не сказали как. Я и забыла со всеми этими проблемами.

— Виолетта Сергеевна, я так понимаю, что у вас не осталось вариантов? Вам нужны деньги на квартиру и на лечение Сергея Ильича?

Я молчу. Это очевидно.

— Тогда мое предложение в силе. В течение часа я могу организовать сделку по продаже фирмы. Покупатель надёжный, я ручаюсь. Сумма более чем отличная. Вам хватит и на небольшую квартиру, и оплатить счета в клинике.

— Но это же папина фирма. Он столько лет ее создавал, — пытаюсь спасти ситуацию я, только все рушится быстрее, чем проливается вода сквозь пальцы.

— Тут вам решать, — произносит юрист осуждающе. От такого поворота я теряюсь. Слезы текут по лицу от мысли о том, что придется продать фирму. От повторного предательства Ильи невыносимо! Боль душит, я не знала, что так бывает. Он совсем не подумал о том, что нам с Серёжей некуда идти!

— Но также нельзя, — со слезами на глазах шепчу в трубку, но уже понимаю, что согласусь на его предложение. Другого выхода у нас просто нет.

— Сергею Ильичу нужно лечение за границей, я узнавал у его лечащего врача. Вам придется это решать, Виолетта Сергеевна. Сергей Ильич давно внёс вас в соучредители, ваша подпись имеет законность и ваше решение о продаже будет иметь юридическую силу. Так что подумайте, — мягче добавляет он.

— Но... — я хочу возразить, что ещё могу взять кредит, но мужчина меня перебивает:

— Но недолго. Скоро поползут слухи о болезни Сергея Ильича, и фирма потеряет в цене. Да и покупатель, за которого я ручаюсь, не готов долго ждать.

Я прикрываю глаза, по щекам текут слезы. Одной рукой я обнимаю прижимающегося сынишку, который потерял интерес к машинке и пришел ко мне, и понимаю, что вариантов у меня действительно нет.

— Хорошо. Я сейчас приеду, — отрезаю, сглотнув ком в горле. Откашливаюсь.

— Отличное решение, Виолетта Сергеевна, — ровно говорит юрист, как будто мое решение его не удивило. — Жду вас в офисе. Все документы я подготовлю.

Разговор окончен, решение принято. Я даже не успеваю понять, верное ли оно. Просто чувствую себя загнанным в угол зверьком. Мышкой в капкане.

— Серёж, нам придется сейчас съездить в офис. Там, где работал дедушка, — обещаю и целую его в макушку. — Это ненадолго. А потом...

А что потом, я затрудняюсь сказать. К отцу в больницу? Найти съёмную квартиру на первое время?

Я выхожу из комнаты, крепко держу сына за руку. Слезы вытерла ещё внутри, но вид, наверное, у меня не самый презентабельный. Женщина смотрит на меня сочувственно, мужчина равнодушно скользит взглядом, а вот риэлтор победно улыбается.

— Вы убедились, что все законно? Ваш супруг просто забыл вас предупредить. Но срок, в который вы должны были съехать, истек. Вам придётся освободить квартиру немедленно, — надменно фыркает она.

— Да. Но я бы хотела собрать вещи. Хотя бы на первое время, — решительности в моем голосе мало, слишком мало, чтобы поставить на место эту Анастасию.

— Можете взять документы, — холодно цедит она. Смотрит на часы, затем на хозяев. — И потом договориться с новыми хозяевами на счёт остальных вещей. Они и так достаточно ждали. Вам была дана неделя! Семь дней!

Перевожу взгляд на супружескую пару, ищу в них сочувствие, но мужчина согласно кивает головой и поддакивает, женщина отводит глаза. Здесь мне не помогут.

Я забираю папку с документами из секретера в кабинете и рамку с фотографией, где мы втроём: я, папа и Серёжка.

В коридоре, сложив руки на груди, ждёт риэлтор, она уже демонстративно приоткрыла входную дверь. Новые хозяева остались в зале. Меня вдруг осеняет:

— А как же мебель? Картины? Техника?

— Голубушка, — презрительно кривит губы Анастасия, — вот уж не корчите из себя дуру! Ваш муж продал квартиру вместе с картинами и техникой. За это он накинул дополнительно процент. И не надо здесь строить невинную простоту. Ваш фокус не пройдет: оспорить сделку вам не удастся, — припечатывает риэлтор. — Наша фирма не первый год на рынке недвижимости, и не такие схемы повидали! — она нервно сдирает Сережину курточку с крючка и сует мне в руки. Всовывает мне сапоги, а Серёжке — мою куртку и выталкивает в подъезд, громко хлопнув дверью у нас за спиной.

В папином офисе я бывала не так уж часто. В последнее время пару раз приводила Серёжку показать, где работает дедушка.

Папочка из военных в отставке, на пенсии открыл небольшое охранное агентство. Чем именно он занимается, я никогда не интересовалась. Охраняет и ладно. Людей, офисы, дома...

Мне куда интереснее были цветы, курсы флористики и ландшафтного дизайна. Жаль, что я не доучилась... Илья настоял, а у папы тогда были какие-то проблемы по бизнесу, не до моей учебы было. Потом беременность, свадьба и все не до того...

До офиса с Серёжкой доходим пешком, это не очень далеко. Мне безумно жалко продавать фирму, так поступать с папиным детищем, но за те двадцать минут пути я так и не смогла найти другой выход. Всех папиных знакомых, чьи фамилии я нашла в его телефоне, я обзвонила уже давно. Кто-то посочувствовал, но помочь ничем не смог, кто-то не захотел, большинство просто не взяли трубку. Папин юрист прав: слухи распространяются быстро. И крысы, зная, что от папочки теперь не получится поиметь выгоду, сбежали.

Мои подружки тоже ничем помочь не могут.

Илья... Он не захотел помогать, ушёл ещё в самом начале папиной болезни. А теперь ещё и квартиру продал, втихаря... Предатель!

Серёжка просится прокатиться на горке, где резвится малышня, съезжая на ледянках, санках и просто на картонках и кусках клеёнки. Но мы спешим. Я отказываю, сынок дуется, но у меня просто нет сил ему пояснять, почему мы не останавливаемся в парке.

Стеклянные двери бизнес-центра вырастают передо мной внезапно. Я выдыхаю и решительно захожу внутрь. Решительность моя напускная. Я никогда не была сильной или характерной. Но сейчас мне хочется соответствовать папе. Уж он-то волевой, мужественный. А я его дочь.

Моего запала хватает дойти до конференц-зала. Серёжку я оставила на секретаршу Алиночку.

В просторном зале меня уже ждут юрист, главный бухгалтер. Она мне звонила пару раз, что-то втолковывала про сделки и активы или откаты. Но я была занята папой, его диагнозами, прогнозами врачей, названиями лекарств. Мне было не до того.

В этот момент я припоминаю о звонках. Было что-то про Илью и сделки. На мгновение я нерешительно останавливаюсь и пытаюсь вспомнить. Но память меня подводит.

Ещё двое мужчин, мне не знакомых, сидят за столом. При моем появлении они даже не привстали, только кивнули на приветствие. Лица у них недовольные и напряжённые.

Высокий мужчина в темном костюме стоит возле окна, в пол-оборота ко всем. Крепкий и плечистый, наверное, тоже из военных. Его выдает выправка: разворот плеч и гордо поднятый подбородок. Брюнет, с припорошенными сединой висками. Молодой. Папочка тоже рано поседел, но ему седина очень идет. Этому брюнету тоже идет. Цвет глаз мне не видно, но думаю, что карие. Он выбивается из общей массы находящихся в зале. От него веет уверенностью и мощью. Он на одной волне с папой, я это чувствую, как привыкла знать и чувствовать, что папа — это сила.

Мужчина разворачивается ко мне лицом, и что-то смутно знакомое есть в чертах его лица.

— Виолетта Сергеевна, вы вовремя! — радуется юрист, раскладывая бумаги на столе. В его бледных глазах блестит азарт. Мне кажется, он едва сдерживается, чтобы не потереть ладони друг о друга. — Вот Антон Михайлович, покупатель, про которого я говорил. Надёжный и даёт хорошую цену. Я его искренне рекомендую. Виктор Алексеевич, — суетится папин помощник, представляя мужчину, от которого я не могу отвести взгляд, — тоже потенциальный покупатель. — В голосе Аркадия Степановича я слышу недовольство и даже досаду. — Он буквально десять минут назад предложил свою цену и настоял на встрече с вами.

Приветствую этого мужчину отдельно. Имя-отчество мне ничего не говорит, но лицо... Я узнаю в нем человека из прошлого. Папиного помощника, соратника, а после... врага.

И зачем он здесь?

Юрист, стоя спиной к Виктору Алексеевичу, активно мне жестикулирует и кривляется лицом. Но я его не понимаю.

— Я присяду.

Обхожу стол и сажусь в кресло, где всегда сидел папа.

От этого больно. От мысли, что, когда папочка поправится, сюда он не придет. И виной тому предательство Ильи и моя пассивность.

Молча обвожу взглядом всех присутствующих и мысленно даю себе слово, что стану сильнее и самостоятельнее. Ради детей и папочки, ради себя. Чтобы никогда не оказаться в подобной ситуации. Никогда!

— Виолетта Сергеевна, теперь у вас есть варианты, — нервно откашливаясь, начинает юрист. — Можете выбрать покупателя сами. Но я бы рекомендовал вам проверенного человека, который достойно продолжит дело вашего отца.

Виктор Алексеевич на эти слова скупно улыбается одними уголками губ. А я вспоминаю, что когда-то давно, когда я заканчивала школу, Витя, именно Витя — так называл его папа — приходил к нам домой. И смеялся. Смеялся он тогда заразительно. А потом он пропал. Папочка сказал, что он ошибся в Вите и очень сожалел. Илья как-то обмолвился, что Виктор предатель и иначе как враг его не называл.

“Это последний человек, которому можно доверять. Он обязательно ударит исподтишка”, — кажется, так он сказал.

— Я предлагаю больше цену. И свою надёжность тоже могу подтвердить.

Виктор называет сумму. В цифрах я не сильна, но конечно же, понимаю, что этого хватит на операцию папе, реабилитацию и даже нам на небольшую квартиру.

— Меня устраивает бОльшая сумма... — начинаю я, но юрист меня перебивает:

— Это же риск!

Почему-то двое мужчин, сидящих в конце стола, вызывают у меня меньше доверия, чем Виктор Алексеевич. И потом мне не хочется менять свое мнение. Да и сумма больше...

Я разворачиваюсь к мужчине и как можно твёрже говорю:

— Я согласна на ваши условия. Только деньги мне нужны как можно быстрее!

Он кивает, как будто был уверен в моем решении. Ещё бы! Деньги сейчас решают всё! И плевать на врагов и предателей! Но я не вижу в его глазах алчности или какого-то превосходства. Он спокойно, без суеты и эмоций принимает мое решение.

Юрист пыхтит, на главбуха я не обращаю внимания. Смотрю во все глаза на Виктора Алексеевича, пытаюсь понять: он так показывает свое превосходство? Мечтает отомстить таким образом отцу? Тешит свое тщеславие?

Но мужчина напротив спокоен и сдержан. По его лицу ничего невозможно понять.

— Будут какие-то пожелания по переводу? Нужна наличка?

— Часть денег сразу перевести на счёт клиники в Израиле. Остальное — на мой счёт.

Я чувствую себя бизнесвумен, крутой и деловой, а у самой поджилки трясутся от страха. Наглаживаю живот, где доченька устроила румбу. Нам нелегко пришлось в последние месяцы, вот она и беспокоится.

Виктор удивлённо поднимает бровь, кидает задумчивый взгляд на юриста и очень долго и серьезно наблюдает за моей рукой на животе, отчего становится не по себе.

Мужчины, которых настойчиво рекомендовал юрист, не прощаясь выходят из кабинета.

— Если это ваше окончательное решение, Виолетта Сергеевна, то я могу заверить сделку, — Аркадий Степанович всем своим видом показывает недовольство, но Виктору на это явно плевать.

Всем плевать, пусть и мне так же будет.

Тяжело вздыхаю, пока держу ручку над листом бумаги. Один росчерк пера навсегда изменит мою жизнь.

Отрывисто ставлю подпись и отодвигаю документы от себя подальше, как будто они опаляют мои руки. Хотя уже опалили. Мою душу.

Дальнейшее происходит не так быстро, как хотелось. Но через полчаса я звоню в клинику и получаю подтверждение, что счета за лечение оплачены, и вся сумма на операцию отправлена в клинику в Израиль. Папу сегодня же начнут готовить к перелёту.

Выдыхаю с облегчением. Может, на этом все несчастья закончатся.

Но тут, как назло, врывается главный бухгалтер. Женщина необъятных размеров, по возрасту, наверное, ровесница папы. Она с ним со дня основания фирмы работает.

— Виолетта Сергеевна, а как же долги? Налоговая не будет ждать, трудовая инспекция тоже. Да и арендодатели, и работники, — под злым взглядом юриста она немного тушется, но не замолкает.

Глава 3

А я просто не понимаю, о чем она.

— Какие долги?

— Илья Валентинович остановил оплату аренды с сентября, выплату зарплаты и налогов. Все деньги направлял на оплату контрактов. У фирмы скопились большие долги. Я же вам звонила, объясняла.

Да, она звонила. Каждый раз так не вовремя. Да и Илья же встал у руля фирмы, я думала, что он продолжит папино дело. А он...

— И много там долгов? — спрашиваю севшим голосом. Интуиция подсказывает, что много. Очень много.

Виктор со своим юристом сидят молча, в нашей беседе не участвуют, но и не уходят.

Главбух называет сумму, и я понимаю, что чуда не случилось. Вся оставшаяся сумма от продажи фирмы уйдет в счёт погашения долгов. И у нас ничего нет. Совсем ничего.

Я перевожу взгляд на Аркадия Степановича, он нервно дёргает плечом и, попрощавшись, выходит. Виктор смотрит ему вслед прищурившись, как будто решает: пристрелить или оставить в живых. От нервного напряжения у меня вспотели ладони и в голове полная ерунда.

— Я должна что-то подписать, чтобы деньги со счета переводились на оплату долгов? — с трудом выговариваю каждое слово, потому как понимаю, что у нас даже на обед денег нет.

— Нет, если Виктор Сергеевич согласится проводить оплату на счета фирмы. То, что не арестует налоговая, я сама переведу по счетам арендодателей, на зарплату и прочие выплаты, — увереннее произносит главбух.

Я перевожу вопросительный взгляд на мужчину.

Виктор молча кивает.

— Вам выгоднее было бы купить фирму, когда ее признали бы банкротом, — обращаясь к мужчине, заявляет главбух.

— Да, — кивает он равнодушно.

— Вы переплатили, — поясняет женщина.

— Я знаю.

Я наблюдаю за их словесным пинг-понгом и не могу сосредоточиться ни на одной мысли. Что мне делать? Куда идти? Забрать Серёжку и идти домой! А где это “домой”? Беседа в кабинете меня уже не касается, но я не ухожу. Молча слушаю и не слышу.

— Спасибо вам за помощь, — заявляет главбух.

— Приятно иметь дело с умным человеком. Если хотите, я оставлю за вами место при условии преданности и лояльности, — предлагает Виктор женщине, сухо улыбнувшись.

Они ещё о чем-то договариваются, но я нахожу в себе силы встать.

Прощаюсь со всеми, забираю Серёжку от измученной секретарши и ухожу.

Улица встречает нас снегом и чувством одиночества.

Мне надо всего пять минут, чтобы придумать, куда идти. Дома-то у нас нет, разве что к папе в палату. Если нас пустят.

И сил у меня тоже нет. Я держусь на остатке самообладания, а сейчас чувствую, что слезы подступают ближе...

Только я собираюсь расплакаться, когда рядом останавливается черный роскошный автомобиль. Вытираю слезы краешком куртки, когда окно опускается вниз, и я вижу Виктора. Он отобрал фирму, что еще-то ему от меня надо?

— Простите, Виктор Алексеевич, но вы перегородили мне дорогу, — замечаю, потому как автомобиль остановился четко посередине пешеходного перехода.

— Предлагаю вам пожить у меня, — неожиданно предлагает он.

Чего?!

— Спасибо, конечно, но мы отказываемся, — улыбаюсь через силу и делаю пару шагов, чтобы обойти машину, но Виктор вновь перегораживает дорогу мне и идущей рядом бабушке. Та гневно хлопает рукой по заднему бамперу и тут же поджимает руку от боли.

— Ты не выживешь на улице, — звучит из теплого салона. Слова Виктора как пощечина, хлестко обнажает очевидные вещи. — Вы не выживете на улице, — поправляет он, когда Серёжка, прячущийся за моей спиной, выглянул, чтобы дернуть меня за руку.

— Мам, мне холодно, — жалобно тянет сынишка и зябко ежится. — Пойдем домой.

У нас больше нет дома — хочется крикнуть что есть мочи, но я не могу. Я буду беречь моего сына и мою еще нерожденную крошку от этого стресса. Они ничего не должны узнать.

— Твою мать, Виолетта, если о себе думать не хочешь, подумай о детях! — раздраженно цедит Виктор.

А я стою. Смотрю на дорогущий автомобиль врага моего отца и понимаю, что это единственный человек, который предлагает мне помощь, несмотря на огромное число знакомых и друзей нашей семьи. Как так получилось? Ведь на заключении сделки был не только он, но и другие. Только они отвели глаза. Не предложили даже чашки кофе нищенке.

— Ну ты и дурешка! — слышу совсем рядом. Когда Виктор успел покинуть салон и встать рядом? На плечи опускается тяжелое теплое пальто, пахнущее владельцем. — А тебя как зовут, пацан?

— Серёжа... — тихо произносит сын, но его услышали.

— Сергей, отличное имя. Ты голоден?

— Ага, — активно кивает. Я не вижу, просто чувствую, как его черноволосая голова трется о мою ногу.

— Что же, Серёжка, сейчас я отвезу вас в теплую квартиру, туда же закажем обед. Ты что любишь?

— Макдональдс, — еще увереннее выдает сын.

Ловлю укоризненный взгляд Виктора.

— Если любит, не значит, что ест постоянно, Виктор Алексеевич, — огрызаюсь.

— О, снежная королева оттаяла! — одними губами улыбается мужчина, распахивает передо мной дверь. — Садись уже, царевна Несмеяна. Нечего мерзнуть.

Я соглашаюсь на этот шаг. Делаю его. Не ради себя, ради детей.

Вместо того чтобы сесть в открытую дверь, открываю другую, заднюю. Сын понимающе плюхается на кожаное сиденье.

— Помочь? — спрашивает Виктор, глядя на мои раскорячивания в попытках пристегнуть его. Да, на восьмом месяце беременности нагибаться тяжело, но я сама позабочусь о своих детях!

— Не стоит, спасибо.

— Ладно.

Мы огибаем машину, Виктор все равно открывает для меня дверь, подает руку. Я сажусь. Звук хлопка двери резко отдает по нервам. Мужчина занимает водительское место. Заводит мотор.

Наклоняюсь почти к самому уху своего спасителя. Не верю я в его благие намерения. С этого дня я перестану плыть по течению.

— Если хоть что-то сделаете с моими детьми или будете меня шантажировать, убью, — тихо обещаю, чтобы Серёжка не слышал.

Просыпаюсь посреди ночи как от толчка. Сердце бешено колотится, дышу ртом. Липкий пот пропитал последнюю мою одежду, в которой я уснула. С тревогой вожу руками по мягкому пледу. Где я? Где Серёжка?

Паника тяжелой волной обрушивается на меня. Воздух исчезает. Я широко раскрываю рот, пытаюсь вдохнуть, но кислород не поступает. Опускаю ноги на холодный пол, озираюсь в темноте. Сына нет! Голова кружится как на аттракционе “Орбита”.

— Мама? Мамочка, что с тобой? — с тревогой спрашивает Сережка. Топот его ножек с другого конца комнаты позволяет мне сделать вдох. Потом еще один. Сын врывается в меня, я крепко обнимаю его. Настя, почувствовав тепло брата, радостно шевельнулась в его сторону.

Настя. Это имя родилось здесь и сейчас, в совсем чужой квартире. Илья мечтал назвать дочь Эльзой, но мне по душе русские имена. Все-таки много хороших людей с именем Анастасия. А зарубежное не хочется, не мое это.

— Просто сон дурной приснился, — хрипло произношу, с наслаждением вдыхая запах Сережиной макушки. Это лучшее успокоительное, клянусь.

— Ты долго спала, ма.

— Разве? — вокруг так темно, хоть глаз выколи. А телефон скорее всего остался в сумке.

— Ага, я уже давно проснулся, ждал, когда ты отдохнешь.

— Ладно, пойдем найдем, что пожевать, а ты расскажешь, как у тебя вечер прошел, — стараюсь, чтобы мой голос звучал бодро и хриплость прошла. Вряд ли хорошая идея копаться в чужом холодильнике, но, надеюсь, найдется овсяная каша.

Сережка бодро идет куда-то, как будто изучил квартиру вдоль и поперек, рассказывая по дороге:

— Когда ты уснула, приехала еда. Дядя Витя заказал та-а-ак, — сын разводит руками для пущей убедительности, — много еды, что я не смог все съесть. Жаль, Макдональдса не было. Зато там была настоящий шашлык, огромный торт и...

— Доброе утро, — прерывает рассказ сына раскатистый баритон. Так непривычно слышать его, когда у Ильи был мелодичный тенор, а у отца грубый бас. Голос Виктора подошел бы для ораторского дела. Ему хочется подчиняться, он такой глубокий, объемный, заполняет пространство.

— Доброе, Виктор Алексеевич, — смущенно отвечаю. Чувствую себя сконфуженно от своего внешнего вида, от ситуации в целом.

Да и, судя по всему, уже прилично времени. Обвожу взглядом кухню: темно-зеленые и коричневые цвета, много живых растений. Ощущение, как будто оказалась в тропическом лесу. Приятно и расслабляет. Огромные окна не зашторены, поэтому виден парк, река и стеклянные офисные здания на том берегу. Серое небо, типичное для начала декабря. Справа нахожу часы: десять утра. Ого, сколько я спала! Больше двенадцати часов!

— Присаживайтесь, нам уже привезли завтрак, — Виктор указывает на стеклянный стол с массивными деревянными ножками, сам достает из шкафа тарелки.

Порываюсь предложить помощь, но у меня еще немного кружится голова, поэтому я присаживаюсь молча.

— Я могу помочь! — восклицает Сережка и, не спрашивая меня, бежит к барной стойке. Виктор улыбается и дает ему запакованные контейнеры.

А Илья бы не дал. Возмутился бы обязательно в самых ярких выражениях, что сын точно что-то уронит, запнется или сделает неправильно. Поэтому у нас никогда не было собаки, хотя мы с Сережкой всегда о ней мечтали.

“Зачем вам животные? — говорил Илья. — Кто с ним возиться будет? Сгрызет наш новый ремонт, сами же потом выкинете!”

Ничего не происходит. Сережка благополучно доносит сперва один контейнер, затем другой до стола. Потом Виктор приносит лаконичные черные тарелки и золотые вилки и ложки. Вместе смотрится очень стильно.

Мужчина раскладывает еду, Сережка тут же уплетает порцию, а у меня от обилия запахов разбирает токсикоз, едва кусок в горло лезет. Лязг вилок о тарелки действует на нервы, поэтому я произношу:

— Красивый интерьер.

— Я старался, — скупое отвечает Виктор.

— Вы? — искренне удивляюсь, даже вилку убираю.

— Что тебя так удивляет? — он выгибает бровь.

— Ничего, просто... это талант.

В этот момент у мужчины звонит телефон.

— Извините, — коротко бросает он, встает из-за стола и уходит в новом для меня направлении.

Кстати, а мой телефон где?

Прошу сына принести сумку и, когда он это делает, ставлю мобильник на зарядку. Вскоре черный экран сменяется веселой заставкой смеющегося сына. И через полминуты телефон начинает вибрировать от уведомлений.

Натка: **“Виолетта, серьезно, ты продала фирму?!”**

Натка: **“Ответь немедленно!”**

Натка: **“Отец сказал, что Илья тебя нагнул? Сочувствую... Но сама понимаешь, к себе позвать не могу :(((”**

Единственная подруга, которая в городе, и та ничем не поможет.

Тяжело вздыхаю.

На самом деле, я не удивлена. С Наткой хорошо гулять по магазинам, болтать о всякой ерунде и просто с удовольствием провести время. Но на глубокие темы я говорила только с отцом. Он заменил мне и маму, которая умерла, когда мне было пять лет. Илья же... Он просто всегда был рядом, дарил подарочки, говорил комплименты и бесконечно болтал о футболе. Не понимаю, зачем он пошел в охрану, если всегда мечтал быть спортсменом.

Телефон вибрирует вновь.

Сообщение отправлено с неизвестного номера.

“Прежде, чем доверять новым “друзьям”, подумай о солидном капитале, который тебе достанется, когда умрет твой папаша. А это случится очень скоро. Доброжелатель”.

Телефон вылетает из моих рук и падает на деревянный пол. Это была угроза? Или констатация факта? Нервная дрожь пробирает все тело. Руки холодеют. Хватаюсь за стеклянную поверхность стола, оставляя отпечатки.

В этот момент в кухню заходит Виктор. Он выглядит как обычно спокойно. Серая футболка с длинными рукавами подчеркивает его сложенную фигуру.

— Ви, все в порядке? — взволнованно спрашивает он, когда мы встречаемся глазами.

Вот я ду-у-у-ра! Расслабилась. А этот человек только и ждет, чтобы забрать и скудный остаток. Решил побыть рыцарем, только на самом деле это шоу. Фикция.

— Мы уходим, Сережа. Немедленно, — произношу сухим голосом и резко встаю. Стул с грохотом падает на пол. Правда, меня сразу же сражает головокружение, потому как я не ела слишком давно. Мир начинает вертеться...

Виктор быстро пересекает комнату, подхватывает меня. Я оседаю в его руках. Но он крепко держит.

— Ви, успокойся, какая муха тебя укусила? Токсикоз в голову ударил? — злится он.

— Отпустите меня! — требую, хотя ноги ватные. Чувствую его запах, смотрю в черную бездну снизу вверх.

— Так, ты сейчас сядешь обратно за стол, поешь, и мы поговорим, ладно? — спокойнее произносит Виктор тоном, больше похожим на утверждение, чем на вопрос. Ставит меня на ноги и подталкивает к столу.

Ненавижу свою слабость! Вынужденно подчиняюсь. Сережка тихо возвращается на свое место, переводя испуганный взгляд с меня на Виктора. Мужчина же отрывистыми движениями, едва не просыпая сахар, кладет его мне в чашку. Три ложки с горкой. Туда же наливает заварку, проливает капли мимо. На столешнице растекаются некрасивые пятна. В каждом жесте видно, что Виктор раздражен.

Под его пристальным взглядом кладу в рот кусок еды. Медленно-медленно прожевываю, стараясь не подавиться. Чтоб вас, Виктор Алексеевич!

Что-то вибрирует рядом. Мой телефон. Перевожу взгляд. Галка! Наконец-то кто-то родной! Душу заливают щемящим теплом.

— Извините, — перекривляю Виктора и выхожу из-за стола. Он провожает меня скептическим взглядом.

Быстро, максимально быстро в моем положении, ныряю в ближайшую комнату и плотно закрываю дверь. Телефон еще звонит, и я дрожащими пальцами принимаю вызов.

— Алло?

— Виолетка, малышка, как ты? — встревоженный голос подруги бальзамом проливается на мои воспаленные нервы. — Почему не позвонила?

— Я... Все произошло так быстро! — слезы, когда же они уже закончатся, опять льются из глаз. Громко всхлипываю. — Илья... Он меня предал! Продав папину квартиру и даже не сказал!

— Вот козел! — рычит подруга. — Где ты? Давай приеду?

— Ты разве вернулась? — удивляюсь. Я ждала Галку не раньше, чем через неделю.

— Да, как только услышала, что ты продала фирму!

— А как же мама?

Галка уезжала к родителям в Московскую область, чтобы отвезти мать к врачу: у нее постоянно кружится голова. Я просто не могла побеспокоить подругу раньше. Сама знаю, какая это боль, когда болеет твой близкий человек.

— Ничего серьезного оказалось. Остеохондроз, — отмахивается Галка. — Видимо, родители просто хотели внимания. Пообщались, попарились, с папой на рыбалку сходили. В общем, они счастливы.

— Кто тебе про фирму сказал? — произношу отстраненно, оглядываясь. Только сейчас обращаю внимание, куда попала: это точно хозяйская спальня! Те же бело-коричневые тона, огромная кровать, идеально заправленная, большой цветок в плетеном горшке у окна.

— Натка позвонила. Ей вроде отец сказал, — на фоне слышу голос Галки. — Так где ты? Этот вопрос вводит меня в ступор. Что сказать? Соврать?

— Я у... э-э-э, друга.

— Говори адрес. Я как раз за рулем, заберу тебя, — отрезает подруга. — Кстати, мне есть, что тебе рассказать.

— Давай встретимся у офиса? Через полчаса сможешь? — шепчу, чтобы Виктор не услышал. Почему-то подумала об этом только сейчас.

— Конечно! Даже если придется нарушить все правила ПДД! Люблю тебя! — бодро бросает подруга и отключается.

Медленно выдыхаю. Чувствую себя увереннее. Поэтому стоит покинуть эту квартиру как можно быстрее.

Выхожу из комнаты. Сын уже доел. А Виктор смотрит на меня пронизывающе, отчего мурашки по всему телу. Во всем виноваты его карие глаза. Они кажутся просто бесконечно глубокими, и кто знает, что там на дне?

— Виктор Алексеевич, спасибо за гостеприимство, мы уезжаем. Сережа, вставай. Мы уходим.

— Куда это, позвольте узнать?

Вслед за сыном мужчина тоже встает, складывает руки на груди. Наклоняет голову, хмурится.

— Что? — не выдерживаю.

— Куда вы собирались? — с расстановкой произносит мужчина.

— К подруге, — твердо отвечаю и вздергиваю подбородок.

Бровь Виктора скептически выгибается.

Он молчит.

Я разворачиваюсь и твердо шагаю в коридор.

Мужчина следует за нами, спиной чувствую. Как хищник крадется, ей-богу.

Накидываю куртку. И вспоминаю про дурацкие сапоги!

Вашу ж дивизию!

— Серёж, помоги мне, пожалуйста, — прошу сына, засовываю ногу. Все-таки не первый раз он мне помогает.

Щелкает дверной замок. Так громко, оглушающе. Сын выходит первым, я за ним. Нет, нельзя так.

Всё же оборачиваюсь. Виктор стоит, прислонившись к косяку и сложив руки на груди.

— Спасибо за помощь, — холодно произношу, хотя на сердце не по себе. Сглатываю, жду его реакцию.

Он ухмыляется.

— Надеюсь, адрес ты запомнила. А, погоди, — мужчина исчезает в квартире и появляется через несколько мгновений. Протягивает мне визитку. — Звони, когда понадобится.

— Если понадобится, — исправляю.

— Когда, — спокойно отмечает он и закрывает дверь.

Глава 4

На улице стало еще холоднее. Зима, скоро Новый год. Что-то совсем нерадостный праздник получается в этом году.

До офиса доходим за десять минут. Родные двери бизнес-центра стали чужими всего лишь из-за движения ручки. Как нелепо. Кто виноват в происходящем? Илья? Или я тоже?

Смотрю на дорогие шубы выходящих из здания женщин. Прически волосок к волоску, бриллианты в ушах и на шеях. Эти женщины прижимаются к сопровождающим их мужчинам неискренне, а как-то властно. Отворачиваюсь, когда вижу бывшую папину секретаршу. Она тащит здоровенную коробку, пытаюсь не рассыпать торчащие оттуда бумаги. Кажется, ее уволили. Почему Виктор не оставил ее? Хотя о чем это я. Решил подчистить весь персонал и сделать все по-своему. Если берется, то доводит до конца.

Возле меня тормозит белый полуспортивный мерседес.

— Серёж, садись, — говорю сыну. Знаю, что в знакомой обстановке он не растеряется и сам пристегнется.

А я с трудом занимаю место рядом с Галей, повернувшись лицом к центру. Секретарша видит меня и неуверенно машет. Я делаю неловкий жест рукой и захлопываю дверь.

— Привет, — Галка тянется ко мне и чмокает в щеку. — Ох, дорогая, как же ты плоха! Ты ела? Поговорим в каком-нибудь тихом кафе.

Естественно, подруга выбирает ресторанчик из нашей прошлой жизни: такой, где кофе стоит пятьсот рублей. Благо, что детская комната есть.

Галка гордо идет вперед, покачивая бедрами. Официанты привычно смотрят ей вслед. Еще бы. Блондинка с короткими волосами до середины шеи, спортивного телосложения, потому как не вылезает из зала, маленькая, и вся такая юная и цветущая. На ее фоне я кажусь старше из-за огромного живота, хотя мы ровесницы.

— Ну, рассказывай, что с тобой приключилось, — начинает она, сделав заказ. Я ограничиваюсь стаканом воды. Сережка убежал в детскую комнату.

Я медленно выкладываю, стараясь не расплакаться, обо всем по порядку. Подруга то и дело сочувственно сжимают мою руку, отчего сдерживаться мне становится еще сложнее.

— Так где ты была эти сутки? — Галка сразу хватается за то, что я пыталась упустить.

— Помнишь, с отцом, кроме Ильи, работал Виктор? Все еще пророчили ему место правой руки...

— Как? Ты была у него?! Ты чего, Виолетка?! С этим... этим... — Галка захлопывает пухлые губы. Она так всегда делает, чтобы не материться.

— Он остановился возле нас, а нам деться было некуда. Все друзья отца отвернулись...

— Да ты хоть знаешь, кому сына доверила?! — Подруга наклоняется ниже, шепчет: — Я про этого Виктора такое слышала...

— Да ну? — искренне удивляюсь. Галка, конечно, тусовщица, но вряд ли они с Виктором могли пересекаться.

— Слушай, ты в положении. Я лучше не буду подробности рассказывать, — подруга откидывается обратно на мягком стуле, складывает руки на груди. — Просто знай, что, если ему продали фирму, все случилось точно нелегально. Может, он с твоим Ильей заодно. Довели мою крошку, уроды! Ты в ментовке была уже?

— Нет, что я им скажу? Папин юрист сказал, что все законно, — развожу руками. — Папа написал на Илью генеральную доверенность прежде, чем с ним случилось...

— Ох, а может, это Илья твоего отца и довел? — сказав это, Галя с ужасом прикрывает рот рукой.

— Илья? Нет, ну он, конечно, козел, но не до такой же степени... — неуверенно отвечаю я после некоторой паузы. — Мы были у папы, когда это случилось. Ты пересмотрела сериалов. Кстати, откуда у тебя знакомый мент?

— Да так, была по молодости одна история, — уклончиво произносит Галка. Не слышала я от нее никогда такого рода историй. Она всю жизнь занимается собой: спорт, салоны красоты, модные шмотки и коучи. Сейчас подрабатывает моделью. Всегда за ЗОЖ, всегда в компании красавчиков и таких же его любителей. — Впрочем, давай докушаем и поедем к нему, м?

— Не знаю все же, что ему скажу...

— Не дрейфь! Уверена, он поможет. Так, где мелкий? — подруга нетерпеливо оглядывается.

— В детской комнате. Сейчас схожу за ним.

Неловко выхожу из-за стола. Не люблю, когда Галка называет Серёжку “мелкий” или “малой”. Я понимаю, что у нее нет детей, пока не планирует, поэтому и отношение к ним соответствующее. Она считает, что дети — это обуза. Они портят жизнь. Она и питомца не заводит, потому что это ответственность, куда уж ей дети! Нет, Галка никогда не скажет мне такое прямо в лицо, просто это чувствуется в брезгливых взглядах и недовольном поджимании губ. Так что не на все темы с ней говорить можно.

Сынулю нахожу в компании еще двух мальчиков. Он у меня парень компанейский, когда не волнуется. А такое у него происходит в присутствии взрослых постоянно. Думаю, его пугают вечно суровые лица и неудовольствие от плохо произнесенной буквы “Р”.

Галка ждет нас на выходе и щебечет с официантом, который пытается не смотреть на ее грудь в глубоком декольте. Увидев нас, подруга подмигивает парню и выходит на улицу.

К моему удивлению, достает сигарету и тут же прикуривает.

— Ты чего это? — недоумеваю и встаю против ветра, чтобы не быть пассивным курильщиком.

— Не смотри на меня так. Жизнь нервная стала. В моем деле конкуренция лютая. Я разрешаю себе курить после еды, все равно делаю это редко. Тем более так лучше думается, потому что к себе-то я тебя пригласить не могу, сама понимаешь. К менту тебя отвезу, зови его просто Василий Васильевич, а потом вернусь, и подумаем, как дальше быть. Окей?

— Окей, — вздыхаю. Не знаю, что сказать этому менту. Но, может, это действительно шанс все вернуть? Или хотя бы часть? Как отец мог доверить всё Илье, а не мне?

Галка подвозит нас к двухэтажному белому зданию. Я в таких местах никогда не была и как себя вести, не знаю. Суровые мужчины в форме с постными лицами курят у входа. В ровный ряд выставлены новые машины с мигалками на крыше. Серёжке нравятся полицейские машины, он завороченно их рассматривает.

— Ну все, детка, тебе сюда. ВасяВася я предупредила, — как-то уж очень фамильярно отзывается Галка про своего знакомого. — Это часа на три. Не меньше. Я подскочу вас забрать. Если что, набирай. Пока-пока!

Белый спорткар срывается с места, обдавая меня и сына комьями грязного снега. Я очень нерасторопная, не успела отойти подальше.

Иду ко входу, крепко держу за руку сына.

Внутри, в стеклянной будке, сидит мужчина по форме и требует пропуска. Его многослойный подбородок и свисающие щеки напоминают бульдожью морду, да и голосом он требует пропуска так, как будто лает.

— Вам к кому? Вам назначали? — допытывается мужчина, пока меня сзади подталкивает какой-то хам, от которого несет перегаром.

— Чё встала тут? Пацана зачем приволокла? На жалость давить? — скривившись, крупный мужчина в несвежем свитере и ношенных, линялых джинсах отталкивает меня с прохода.

— Кузьмич, привет. — Хам машет рукой тому мужчине, что меня не пропускает, и скрывается в коридоре.

— Так вам к кому? — выкашливает дежурный.

— К Василию Васильевичу, — мямлю я и сама понимаю, как жалко выгляжу со стороны. Я не знаю фамилии и должности знакомого Галки, она не сказала, а я, дуреха, не спросила. Я не умею ругаться, требовать, без папы и Ильи я ничего, оказывается, не умею. Слезы боли и обиды застилают глаза.

— Ой, дамочка, нечего тут реветь. Вас таких ревуших тут пруд пруди. Как ты искать будешь Василия Васильевича? В каком кабинете? — допытывается дежурный.

— Я не знаю, — почти реву я.

— Ой, всё, иди. В сорок втором как раз один Василий сидит. К нему шуруй, пусть он с тобой и пляшет, — пропускает нас мужчина, но в спину летит: — Пацана зря притащила. Здесь очереди длинные.

— А куда же я его дену? — крепче сжимаю ладошку сына, оборачиваюсь к дежурному, но он уже занят другим человеком, берет пропуск, ставит штамп.

Никому до нас нет никакого дела...

Под кабинетом очереди нет, но и сам кабинет закрыт. Устраиваюсь на колченогий стул, рядом садится Серёжка. Время послеобеденное, ему бы поспать, но сынок просто укладывается ко мне на коленки. Я накрываю его своей курткой. Обшарпанные рыжие стены давят. Хочется уйти из участка побыстрее, но разве же мне есть, куда идти?

Перебирая мягкие волосики сынишки, я спрашиваю себя, за что нам досталась такая жизнь? Никого же не грабили, не обманули. Ладно, если за мою жизнь еще найдутся грешки, то Сережка-то чем виноват? Ничего ребенок не сделал такого, чтобы судьба была с ним жестока. Это еще он к папе редко просится, хотя уже прошло больше месяца, как Илья нас кинул.

Могла ли я предположить, что такое будет?

Честно говоря, могла.

Мы начали встречаться, когда мне было восемнадцать лет. Илья старше на четыре года, на тот момент он пришел работать к отцу. Охрана — это вообще не его, он больше мозгом работал. Плюс только получил бухгалтерское образование. Папа взял его, вроде в то же время в компании появился Виктор.

О нем-то я очень мало чего знаю. Только то, что он кинул отца, крупно подставил. Илья не хотел, чтобы я знала подробности, оградить пытался. Тем более тогда я забеременела, правда, не будучи замужем.

Илья не стал растягивать, сразу же сделал предложение. Все было очень романтично: мы вдвоем катались на катере по заливу на закате. В какой-то момент судно остановилось, Илья встал на одно колено и предложил то, о чем я втайне мечтала.

Дальше все закрутилось. Папа не был в восторге, что у нас так получилось, но, узнав, что у него будет внук, растаял и подарил нам квартиру на свадьбу, евродвушку в хорошем районе. Мне было очень жаль с ней расставаться, но поскольку хозяйкой числилась я, то смело продала ее, чтобы обеспечить папочке лучшее лечение. Я бы никогда не подумала, что Илья посмеет продать отцовскую трешку-сталинку в центре города. А он посмел. И даже не подавился.

Ненавижу.

— Вы ко мне? — небрежно-хрипло интересуется подошедший мужчина. На вид ему около шестидесяти, подтянутая фигура в синей форме, строгий взгляд и нос картошкой.

— Да-да, вы же Василий Васильевич? — тихо спрашиваю, поскольку Сережка сопит на коленях.

— С утра был им, — хмыкнул мужчина. — По какому вопросу?

— Вам, наверное, звонила моя подруга... Галина по поводу... — тараторю, но меня грубо перебивают:

— А, звонили. Ну и чё приперлась?

Мужчина достает ключи и приоткрывает дверь, но не заходит и меня не зовет.

— Мне нужна помощь... — неловко произношу, опешив от такой смены настроения.

— Ну и приходят же. Развели как дуру, а теперь слезы лить! Умнее надо было быть, гражданочка. И рожают же еще такие, как будто идиотов мире мало.

— Извините? — я в таком шоке от этой грубости, что просто сижу с открытым ртом.

— А что ты хотела, м? Что тебе сейчас найдут муженька твоего? Ага, с собаками кинемся искать! Губу раскатала. Не в кино же. Точно, дура. Вали отсюда и лучше помалкивай, что тебя так поимели красиво. О таком и говорить стыдно.

Мужчина заходит в кабинет и громко хлопает дверью.

Офигеть!

У меня просто нет слов!

— Серёжка, уходим отсюда, — быстро говорю, тормошу сына. Ставлю его на землю, тащу за собой на выход. Дежурный на входе провожает меня злорадным взглядом.

Быстро, насколько позволяет мое положение, выходим на улицу. По щекам слезы текут, и я со злостью их вытираю. Надоело плакать по поводу и без! Так сильно обидно, что ком в горле стоит.

Засовываю руку в сумочку и порывисто достаю телефон, но меня встречает только черный экран. Я же забыла зарядку у Виктора!

Блин, блин, блин!

Ну не лохушка ли? Я провела в участке меньше часа, Галка обещала приехать через три часа. Даже если бы я унизилась и попросила позвонить, то не знаю наизусть номер подруги. Разве что зарядку попросить...

Но, повернувшись к зданию участка, я понимаю, что никого ни о чем просить не буду. На меня смотрят надменным взглядом, и я молча выхожу на улицу, чувствую себя еще более униженной.

Осматриваюсь. Район мне незнакомый. Судя по сумеркам, сейчас около пяти вечера. Вот-вот пойдет снег из пухлых туч. Никаких бизнес-центров в округе не видно, только дома и украшенный огоньками парк на другой стороне дороги. Туда-то мы и пойдем.

Серёжка, насупившись, следует за мной молча. Он когда сонный, мало болтает. Это и хорошо, потому что я не представляю, что ему говорить сейчас. Мы без денег и без чуда.

Начинает крошить снег. Мы садимся на скамейку. Мимо проходят люди в пестрых пуховиках. Все смеются. Над головой мерцают задорные новогодние огоньки. В воздухе, несмотря на начало декабря, чувствуется праздничное настроение. Не у меня, конечно.

— Мамуль, когда мы будем писать письмо дед Морозу? — спрашивает сынуля, задрав голову и разинув рот, чтобы языком поймать увесистую снежинку. У него это получается.

— Думаю, что на днях мы сделаем это, — улыбаюсь нелепо.

Невольно цепляюсь взглядом за длинное темно-серое пальто, так сильно различающееся на общей массе пузатых пуховиков. Его владельцу, в отличие от меня, явно не холодно.

Поднимаю глаза.

Виктор занимает скамейку напротив. Руки в кожаных перчатках держат два бумажных стакана известного бренда, из которых валит пар. На одном написано мое имя, на другом Серёжкино, а на полуулыбке мужчины — одно слово “когда”.

Глава 5

Складываю руки на груди и отворачиваюсь. Я Галку дождусь. Жаль только, я понятия не имею, сколько времени. А еще на улице ну очень холодно. Весенняя курточка не предназначена для того, чтобы сидеть на морозе. Да и пальцы ног ужасно замерзли в тонкой коже.

А от стаканчиков идет такой заманчивый пар...

— Ой, мам, смотри, дядя Витя! — радостно голосит Сережка и, прежде чем я успеваю что-то сказать, бежит к нему.

Мужчина мягко улыбается и протягивает сыну стаканчик.

Знаю, что не стоит показывать слабость и идти на контакт первой.

Но.

Рассматриваю Виктора и сама с удивлением понимаю, что он у меня вызывает доверие, как это было в кабинете при подписании документов.

Он сильный и надёжный.

Он очень похож на папу.

Папочка всегда был для меня защитником, каменной стеной, мощью. С тем пор, как не стало мамы, отец окружил меня заботой и своей любовью. Женщины у него были, куда без этого, но в дом он никого не приводил. «Ты — моя самая любимая женщина», — всегда говорил папа. Он поддержал меня, когда я провалилась на экзаменах в институт, поддержал, когда я влюбилась в Илью, и даже тогда, когда пришла к нему беременная, он тоже меня молча поддержал. А сейчас, может, поэтому я тянусь к Виктору, что он напоминает мне папу?

С этими мыслями неспешно подхожу к ним. Мне протягивают бело-красный стаканчик.

— Спасибо, — бубню, принимая блаженное горячее подношение и делаю глоток. Бархатная жидкость обволакивает горло.

— Мам, это же какао! Я очень люблю какао! — сообщает сынуля. — Только горячее очень. — В стакане сына плавают белые маленькие зефирки.

— Ты поблагодарил Виктора Алексеевича? — строго спрашиваю Сережку.

— Ой, простите! Спасибо, дядь Вить!

— Какой «дядь В...», — начинаю возмущаться, только Сережка мужчине уже на колени залезает. Вот блин. Сейчас он испачкает дорогой костюм, и Виктор будет ругаться. Илья бы обязательно сделал замечание.

— Замерз, да? — спрашивает Виктор с какой-то едва уловимой нежностью, отчего я замираю.

— Ага, — жалуется сын.

Ну откуда у детей такое доверие к чужим людям? Хотя он понятия не имеет, кто такой Виктор на самом деле. А я-то имею?

— Идем уже в машину? Мне, если честно, тоже холодно, — обезоруживающе улыбается мужчина уже мне.

— Нас потеряет моя подруга. Но мой телефон сел, так что нет никакой с ней связи. Я бы хотела получить назад свою зарядку, — как можно тверже тараторю, пока меня не перебили. Попросить купить другую язык не поворачивается.

— Хорошо-хорошо. Тогда едем ко мне, — подытоживает Виктор, хотя я этого не говорила. Но подумала.

В итоге с облегчением идем к его машине. Я допила свой горячий шоколад и теперь с радостью уничтожаю остатки Сережкиного, поскольку он рассказывает «дяде Вите», как мы тут в парке проводим. Нам тут, оказывается, весело.

Когда сын пробует сказать о сцене в участке, я его перебиваю:

— Малыш, об этом не стоит говорить.

— Почему же? — выгибает бровь Виктор. — По-моему, эта часть истории самая интересная.

— Так просто кажется, — отмахиваюсь, стараясь выглядеть непринужденно. Только мужчина все равно не верит, это видно по его глазам.

В стенах квартиры Виктор мне хорошо. Ощущение привычности и чего-то домашнего окутывает, стоит только через порог перешагнуть. Тем более очень тепло.

— Так что вы делали в парке? — спрашиваю и сама с удовольствием присаживаюсь на банкетку (кстати, а она была раньше?), чтобы только мужчина не вознамерился мне помочь.

Могу ли доверять ему? Сердцем чувствую, что должна дать ему шанс. Пока он не сделал лично мне никакого зла, даже не пытался. Не хочу жить по принципу "Твой враг — мой враг".

— На ужин-то останетесь? — в очередной раз соблазняет меня Виктор. — Как раз успеем, пока телефон заряжается.

Что делать с таким железным аргументом? И не поспоришь ведь.

Иду на кухню, где с утра оставила зарядку. Она осталась на том же месте, но в комнате появилось кое-что новое — детский стульчик! Зелёный, отлично вписывается в интерьер. С удобным столиком, который отодвигается и закрепляется.

— Я подумал, что это потребуется, если у меня ещё будут гости, — раздается позади. Виктор подходит так тихо, что я не слышу, поэтому каждый раз его приближение вводит меня в странное состояние. — Но это ещё не всё. Ставь свой телефон и позволь мне ещё кое-что показать.

— Мне не нужны подачки, — твердо заявляю.

— Это не подачки. Это подарок, — спокойно парирует мужчина.

— Зачем? За что? — не унимаюсь я, следуя за хозяином квартиры в комнату, где ночевала. Серёжка уже там, играет с новой машинкой. На кровати стоят пакеты разных брендов для детей и беременных.

— Хоть твой отец меня ненавидит, я глубоко уважаю его. Однажды он меня выручил, и я хочу отплатить ему тем же, — серьезно говорит Виктор. И смотрит на меня странно... В глазах его тлеет пожар такой силы, что искры долетают и до меня.

Но он быстро берет себя в руки и становится привычно отстранённым.

— Спасибо, — тихо говорю. Я растерянна и совсем не понимаю, что происходит между нами. И есть ли это между нами?

До того, как мужчину стали называть предателем в нашем доме, я слышала, что папа его очень уважал и учил многому. Хотел преемником сделать. Но Виктор в обход совершил крупную нелегальную сделку с оружием и забрал деньги. Это все, что я знаю.

— Почему ты предал папу? — в лоб спрашиваю Виктора.

Сережа занят игрушкой, ему не до взрослых разговоров. А я хочу знать правду, чтобы решить для себя: уйдем мы прямо сейчас или дождемся в тепле звонка Галки.

Да что я себе вру? Я просто хочу правды. Не папиного замалчивания, не недомолвок Ильи. А правду. И Виктор мне ее скажет, я в это верю.

— Я не предавал Сергея Ильича. Просто был молод и глуп и не стал доказывать никому, что я не верблюд. Меня подставили. И твой муж или воспользовался ситуацией, или сам приложил к этому руку. Я при встрече его обязательно спрошу об этом. Но Сергея Ильича я не предавал! — твердо и веско отвечает Виктор.

И я ему верю.

Наверное, меня ещё не до конца сломили последние события. Я верила Илье, а он оказался предателем по всем фронтам.

Разочароваться в Викторе будет больно, но сейчас я просто ему верю.

Я киваю, приняв его рассказ. Разворачиваюсь к кровати, рассматривая вещи. Мне надо все обдумать.

В пакетах нахожу теплые домашние вещи для нас с сыном. Я просто мечтаю сходить в душ и переодеться! Поэтому, захватив все необходимое, я туда и направилась.

Ах, какой это кайф замерзшей и продрогшей оказаться в теплой воде! А возле раковины небольшая табуретка для Сережки, чтоб он теперь мог спокойно помыть руки сам. Виктор о нас подумал, хотя я никак не понимаю, зачем ему это.

Короче, отмокала я долго, и, покинув паровую обитель, сталкиваюсь в дверях с одетым в пальто Виктором.

— У меня возникли срочные дела. Еду вот-вот привезут. Отдыхай, Ви. Если что-то понадобится, моя визитка рядом с твоим телефоном. Я скоро вернусь, так что не убегайте. Обещай мне.

— Ладно, — легко соглашаюсь, не скрывая улыбку. Впервые за этот месяц я чувствую себя хорошо, пусть даже в моменте.

— Умница, — довольно хмыкает Виктор, порывисто подходит ко мне, резко тормозит и, улыбнувшись на прощание, уходит. Закрываю за ним замок и шлепаю на кухню.

От Галки звонков нет. Это странно, потому что время предполагаемой встречи уже прошло. Представляю, как бы я замёрзла, не появившись Виктор. Кстати, он так и не сказал, что делал в том парке.

Был звонок от папиного врача. Благо, что он написал небольшое смс о том, что динамика положительная, лечение помогает. Перелет папочка должен перенести благополучно. Как приятно получать хорошие новости!

Зато с неизвестного номера опять есть сообщение, отправленное два часа назад:

"Твое наследство уже близко".

Трель дверного звонка оглушает, я вздрагиваю. Тело пробивает дрожь.

“Так. Это, должно быть, курьер,” — успокаиваю себя и иду к двери.

Только дохожу, как в замке поворачивается ключ. Настенька в животе нервно елозит, я кладу руки на живот, чтобы успокоить и ее, и себя.

“Ограбление?!” — проносится в голове.

Но грабитель, а точнее, грабительница, на такую роль совсем не годится. В квартиру заходит женщина неопределенного возраста с кичкой желто-блондинистых волос на голове, больше напоминающих парик. Лицо явно недавно претерпело хирургическое вмешательство, потому как удивление или иных эмоций с него теперь не считать. Одежда дорогая, украшения на ней тоже дорогие, но безвкусные. Огромная брендовая сумка совершенно не сочетается с обувью и шубой.

— А ты кто такая? — голосом заядлой курильщицы спрашивает меня. — Сразу знай: мой сын чужих детей не признает! Ему свой наследник нужен!

— Простите? — Отступаю на несколько шагов назад, упираясь в стену. Женщина с видом хозяйки входит в квартиру.

— Что ты делаешь в квартире моего сына, спрашиваю? — злится она и с грохотом швыряет сумку на банкетку.

— Я его гостья.

— Здр-р-расте! — из комнаты выбегает Сережка и с удивлением смотрит на вошедшую.

— Мой сын двоих нагулял и мне не сказал? Ох, — она с ужасом прижимает руку к сердцу. — Не поверю!

— Мама, бабушка р-р-ругается на нас? — от волнения сынок сильнее картавит и совсем плохо выговаривает звук ш.

— Деточка, ребенком надо заниматься! А ты, небось, думаешь, что покувыркалась в постели в свое удовольствие и этим обеспечила себе место под солнцем?! Он у тебя вообще нормальный?! — брезгливо смотрит на Серёжку, который быстро прячется за моей спиной.

— Так, женщина, какое право вы имеете оскорблять меня или моего сына? — небывалая ярость накрывает меня. Меня могут унижать, но чтобы моего сына...

— О, ну естественно. Как критику слушать, так сразу “я ж мать, я лучше знаю”, — фыркает женщина. — А в наше время ещё бы и спасибо сказала, когда тебе на правду глаза открыли!

— Так, я это терпеть не намерена! — разворачиваюсь, подталкивая сына в комнату.

Первая мысль — одеться и уйти. А вторая — я обещала Виктору дождаться, Галка тоже так и не перезвонила! Можно снять номер в гостинице, решаю я, но скрыться в комнате не успеваю.

— Куда пошла?! Кто тебя в комнаты пускал?! Здесь сиди, пока Виктор не вернётся! Я ещё сейчас деньги проверю и полицию вызову! — мать Виктора, которая так и не назвала своего имени, продолжает бушевать, распаляясь ещё сильнее. Хватает меня за руку и тянет на себя.

Оступаясь и, ударившись о дверной косяк плечом, я запинаясь о стоящего рядом Серёжку, теряю равновесие и падаю на пол, больно ударившись копчиком. Но боль распространяется и на живот, причем так сильно, что из глаз выступают слезы. Между ног теплеет, и светлые штаны быстро промокают.

— Мам, у тебя штаны красные стали, — тихо говорит побледневший Серёжка.

— Твою ж мать! — шипит мать Виктора, достает телефон и быстро набирает. — Алло, скорая? Рожает у меня тут одна малахольная! Не знаю я срок! Упала она! Что... через полчаса приедете? Идите на хрен! Чтоб были здесь через десять минут, иначе засужу! — Надиктовав быстро адрес, она бросает трубку, присаживается ко мне, обнимает за плечи, нежно гладит. — Так, девочка, не надо рожать, терпи! Врачи сейчас будут! И Виктора, засранца такого, жениться заставим! Настрогал деток, а сам в кусты! Ты на меня зла не держи, я это от шока, — она ещё что-то приговаривала, укачивая и обнимая.

Страх парализует меня так, что я не могу думать ни о чем, кроме моей малышки. Слезы текут по лицу, а время замерло в ожидании скорой.

Глава 6

Дорогу до роддома помню смутно. Какая-то мешанина из боли, страха и мелькания людей.

Раньше врачей в квартиру вернулся Виктор, схватил плачущего Серёжку в охапку и установился на меня, сидящую на полу. Его мама не разрешила мне вставать, только плед подстелила и принесла сумку с документами.

— Ты меня тетя Машей называй, — заявила она и бесцеремонно положила ладонь мне на живот.

Я прислушалась к ощущениям: активная до этого момента доченька примолкла, и меня накрыла паника.

— Она не шевелится, — еле выдавила из себя слова.

— Испугалась, — решительно заявила тетя Маша и побарабанила по животу пальцами. — О! Смотри, перевернулась!

Я и сама поняла это по острой боли внутри, откинулась на стену и попыталась дышать через рот. Рядом заплакал сынок, но у меня не было сил ему хоть слово сказать. В этот момент нас и застал Виктор.

— Что случилось? — голос его прозвучал глухо и растерянно, он вцепился в Серёжу и не сводил с меня глаз.

— Рожает, — ответила его мама.

— Так рано ещё...

— Это да. Фигово вышло...

Ее прервали врачи, которые действительно доехали очень быстро.

— Документы: паспорт, полис, СНИЛС и обменную карту, пару мужиков, чтоб донести носилки и теплое одеяло, — бросил крупный мужчина в синей форменной куртке и присел рядом со мной: — Срок? — его крупные ладони легли на живот, пальцы легонько надавили, ощупывая.

— Тридцать пять-тридцать шесть недели.

— Мало. Но ты роди, там выходим, — решительно заявил врач.

Тетя Маша уже стояла рядом с одеялом и с восторгом смотрела на врача.

— Куда едем рожать? Договор заключен? — Мужчина поднялся на ноги и передал мои документы медсестре.

— Нет, — я попыталась встать, врач подхватил меня под локоть.

— Виктор! — не знаю, что этим откликом хотела сказать его мама, но Виктор отмер и заявил:

— Где лучше, туда и везите. Договор будет.

— Лучше в пренатальный центр, но, боюсь, не довезём. Лиза, спроси Фурштатскую, может, возьмут?

Девушка куда-то звонила, мужчина разговаривал с кем-то и что-то выяснял, тетя Маша стояла рядом со мной, обхватив за плечи. Виктор с Серёжкой на руках застыл возле двери.

— Так, — наконец, громогласно заявил врач, — везём на Фурштатскую. Платно. Врач сейчас там дежурит хороший, вам повезло. Вы, — он повернулся к Виктору, — едете следом! В машину возьму только роженицу. Вещи привезёте позже, держи документы, — он сунул мне в руки сумку с паспортом и картой и завернул меня в одеяло. — Давай, папаша, донеси до машины, чтоб носилки в лифт не запихивать.

Тетя Маша быстро сориентировалась, перехватила у Виктора сына, натянула на Серёжку куртку и шапочку и выскочила из квартиры. Очередная вспышка боли прожгла живот, и я не поняла, как оказалась на руках у Виктора.

Он уверенно держал меня на руках. Я обхватила его за шею, чувствуя, как быстро грохочет пульс под моими ладонями. Замечаю отросшую щетину и плотно сжатые губы. О чем он думает сейчас, неся меня?

Так странно, в этом огромном мире, где нам с Сережкой не осталось места, есть Виктор, который готов нести меня руках.

— Ты позаботишься о моем сыне? — тихо спрашиваю, но мужчина слышит.

— Конечно, — твердо отвечает он. — Не беспокойся.

— Я верю тебе, — честно говорю, сдерживая ком в горле.

В машине меня положили на носилки и пристегнули поверх одеяла. Тетя Маша быстро юркнула в салон и уселась в кресло.

— Вы куда?! — громыхнул врач, но на женщину этот окрик никак не подействовал.

— Я с ней!

— Черт с вами! — он махнул рукой, усаживаясь рядом со мной.

Дверь закрыла медсестра, и машина тронулась, завывая сиреной.

— А Серёжа?

— С Виктором. Не переживай, не потеряет.

Боль то усиливалась, то ослабевала. Иногда я чувствовала шевеление доченьки, и страх немного отступал.

Врач молча измерил мне давление и достал прибор для измерения пульса у ребенка, такой в консультации используют.

— Нормально! Уже немного осталось.

И действительно, доехали мы быстро. В приемном покое нас уже ждали, что-то спрашивала немолодая ухоженная женщина. Совсем молоденькая медсестричка поставила катетер в руку и подсоединила капельницу. Меня куда-то покатали, все так же задавая вопросы и подбадривая. Тетя Маша только успела меня чмокнуть в лоб.

— Мы тебя здесь подождем! Ты спокойно себе рожай, не переживай! — заорала она вслед, когда меня уже закатывали в лифт.

В родзал набежали ещё врачи и медсестры. Меня переодели в больничную рубашку, положили на кровать и прицепили датчики на живот, который от боли ходил ходуном. Половину вопросов я пропустила от непроходящей рези, и врач просто махнула рукой.

— Так, сейчас УЗИ сделаем, капельница пусть капается, раскрытие маловато. КТГ пишется, — быстро пояснила мне врач, которая встретила нас в приемном покое. — Группа крови какая? Людмила Константиновна, будьте добры, посмотрите, чтоб сюрпризов с резус-конфликтом не было. Кровь взяли? Отлично. Надежда Викторовна, чаю ей принесите тепленького. Ольга Игоревна, часа два с ней побудьте, — тут же раздавала команды, вперемешку с вопросами. — Ребенок лежит нехорошо, не успела девчонка докрутиться. Так что мы сейчас подождем. Если развернется, то сама родишь. Если нет, то поможем. Пульс хороший, воды отошли рановато, но это ещё не критично. Поняла меня? У нас все под контролем! — твердо и веско, глядя в глаза, убеждала меня врач. — Аллергия на лекарства есть? Нет. Отлично. Не паникуй. Дышать так, как велит Ольга Игоревна. Если она сказала ртом, значит ртом. Если сказала мычать, значит мычишь. Будешь перечить — только хуже сделаешь себе и дочке. Поняла?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.